
УДК 101.1 : 316.624.3

Е. А. Кочнев, С. В. Наумов, Ю. Д. Мишин

**Философский анализ природы терроризма
и условий его воспроизводства**

Терроризм – одно из устойчиво наследуемых негативных явлений общественного развития. В наше время масштаб терроризма развернулся до транснационального. Борьба с терроризмом превратилась в глобальную проблему. В XXI в. терроризм стал глобальной угрозой мировому развитию. Борьба с терроризмом осуществляется в двух основных направлениях: (1) непосредственное силовое противодействие, (2) устранение условий устойчивости воспроизводства терроризма. Преимущественными факторами устойчивости терроризма выступают экономические источники, возрастающее социальное неравенство, культурная ограниченность. Международный терроризм активно паразитирует на экономических, политических и религиозных противоречиях. Из специфического протестного явления терроризм все очевиднее трансформируется в асоциальный политический инструмент. В статье анализируется процесс социально-исторической и идеологической эволюции терроризма. Внимание авторов акцентировано на культурной и мировоззренческой сторонах идеологии терроризма. Авторы резюмируют, что сдержать устойчивое воспроизводство терроризма возможно только всесторонними солидарными межгосударственными действиями. В частности, для профилактики террористической угрозы необходимо усилить воспитательную и просветительскую роль образования, повысить уровень культурного формирования личности в традициях гуманизма и демократии.

Terrorism is one of the persistently inherited negative phenomena of social development. Nowadays, the scale of terrorism has turned to transnational. The fight against terrorism has become a global problem. In the 21st century, terrorism has become a global threat to world development. The fight against terrorism is carried out in two main directions: (1) direct force counteraction, (2) elimination of the conditions for the stability of the reproduction of terrorism. The main factors contributing to the sustainability of terrorism are economic sources, growing social inequality, and cultural limitations. International terrorism actively parasitizes on economic, political and religious contradictions. From a specific protest phenomenon, terrorism is increasingly being transformed into an asocial political instrument. The article analyzes the process of socio-historical and ideological evolution of terrorism. The authors' attention is focused on the cultural and ideological aspects of the ideology of terrorism. The authors conclude that it is possible to restrain the sustainable reproduction of terrorism only through comprehensive and joint interstate actions. In particular, to prevent the terrorist threat, it is necessary to strengthen the educational and enlightening role of education, to increase the level of cultural formation of the individual in the traditions of humanism and democracy.

Ключевые слова: терроризм, идеология экстремизма, религиозный фактор, социальная справедливость, международная солидарность, образование, воспитание.

Key words: terrorism, the ideology of extremism, the religious factor, social justice, international solidarity, education, upbringing.

Терроризм многолик, накопил исторический опыт приспособления к политическим и экономическим условиям борьбы, располагает социальными резервами развития. В то же время, современному международному терроризму свойственно отсутствие самодостаточности функционирования. Из самостоятельного движения в прошлом, он превратился в движение-паразита, питающегося от внешних источников. Однако было бы упрощением отрицать и наличие в терроризме факторов самодвижения. Противостоять этому мировому злу следует с учетом всей полноты его характеристик.

Концепции «управляемого хаоса» в условиях глобализации, стремление к насильственной модернизации международных отношений [10, с. 206–207] способствуют созданию благоприятных обстоятельств для террористических действий деструктивных сил. К сожалению, аргументов для оптимизма в отношении согласованной политики противодействия этому антисоциальному явлению явно недостаточно. Укрепляется финансовая составляющая терроризма, в то время как солидарность борьбы с ним чаще всего ограничивается политическими декларациями о намерениях. Террористы стараются помогать покровителям маскировать проявления своей поддержки. Без консолидированных международных действий будет продолжаться экономическая поддержка воспроизводства терроризма [3, с. 85].

Определений террора и терроризма немало. Различия между ними расположились в диапазоне от деталей до существенных признаков. Вдаваться подробно в процесс определения террора и терроризма не входит в тему нашего исследования. Мы считаем актуальным подчеркнуть, что определение сколь необходимо, столь же и ответственно. Оно таит опасность попасть в зависимость от формально-логического подхода к изучению объекта. В определении преимущественно характеризуется не сам объект, а сложившееся о нем понятие – отражение объекта в сознании современников. Чтобы определение было объективно-конкретным, в нем должны содержаться наиболее значимые признаки реального явления, позволяющие понять его системное положение. Определение устанавливает одновременно си-

стемный статус объекта и соответствующего понятия. Классическое определение предполагает нахождение общего ряда и выделение признаков, регламентирующих местоположение явления в данном ряду.

Когда затруднительно определить явление согласно стандартной логической рекомендации, используют генетический подход – «выращивают» определение из истории происхождения явления. Гегель обратил внимание на такое свойство понятия, как историческая конкретность, появляющаяся в процессе восхождения содержания понятия от абстрактного к конкретному. Фразу Гегеля: «... логическое лишь тогда получает свою истинную оценку, когда оно является итогом опыта наук...», – особо подчеркнул Ленин, прокомментировав от себя: (Суть) «существенное содержание всех иных знаний» [5, с. 90–91].

Диверсификация определений явления действительно значима, но не является достаточным основанием полагать о достижении таким способом истинного понимания террора и терроризма. Необходимо проследить вехи истории террористической практики и идеологии, запечатлеть инвариантные признаки. Нам представляется, что выстраивать инвариантные признаки террора и его превращения в терроризм, следует с абсолютизации насилия в идеологии террора. *В демонстрации неограниченного насилия суть фанатизма террористов* и объяснение того, что бывшие террористы – крайне редкое исключение, связанное с изменением конкретно-исторических условий объективного порядка.

История знает единичные случаи добровольного отказа от террора как следствие переосмысления ситуации. Отреклись от террора наследники мусульманской секты исмаилитов, основанной Хасаном Саббахом (конец XI – начало XII в.). Произошло это в середине XIII в., после разгрома секты монголами. Движение восстановилось на территории Индии и «более не прибегало к террору» [9, с. 448]. Понял бесперспективность террора известный российский эсер Б. В. Савинков, более 25 лет активно участвовавший в террористической борьбе. Можно собрать еще ряд примеров разочарования в терроре. Все они только подчеркивают авантюризм и фанатизм террористов.

На примере истории неоднозначной личности Б. В. Савинкова хорошо видны, во-первых, отсутствие системного погружения сознания в суть революционной теории – в большинстве случаев террористы довольствуются чувственными впечатлениями; во-вторых, важно осознавать различие между авантюризмом и фанатизмом. Авантюрист все-таки считается с фактами, хотя и имеет на них свой гипер-

трофированный взгляд. Фанатиком управляет идея, допускающая значение лишь тех фактов, которые создаются на ее основе. Все другое есть зло, которое следует разрушить. Р. П. Плеханова писала: «Георгий Валентинович симпатизировал его (Б. В. Савинкова) революционному темпераменту...; считал его смелым, способным на самоотвержение революционером, но был всегда очень невысокого мнения о его теоретическом понимании революционных задач и решительно не любил в нем склонности к легкомысленным выступлениям, как в литературе, так и в политической деятельности. Этот элемент в характере Бориса Викторовича он называл авантюристическим» [8].

Террор заточен на разрушение, его собственных сил едва хватает на борьбу с существующей реальностью, поэтому неудивительно, что исторически развитие террора часто связано с религиозным движением. Религия здесь не виновата. Скажем, периодическое увязывание ислама с терроризмом не подрывает той гуманной сути, которая заложена в основные мировоззренческие и этические установки этой религии. Терроризм стремится использовать гносеологическую специфику религиозного мировоззрения – ставку на веру. Вера облегчает террористам восприятие реальности действий. Победили – хорошо, проиграли – тоже нормально: наше время придет, Аллах поможет. Главное – это борьба за цель, а когда она превратится в результат – в этом видится Божья воля. Привязывая свою борьбу к вере, терроризм позиционирует себя священным действием.

Анализ приводит к следующему заключению: **терроризм, развившийся исторически из террора, есть наиболее жестокая, бескомпромиссная публичная форма политического экстремизма, направленная против основ сложившегося объективно общественного порядка под прикрытием религиозных, этнических и националистических идей.** Своей бескомпромиссностью терроризм обуславливает единственный вектор действия силам, отстаивающим общественный порядок, – последовательное уничтожение всех террористических организаций и устранение факторов воспроизводства террора.

Чтобы искоренить само явление терроризма, силового противодействия мало, требуется активировать правовые и экономические санкции в отношении социокультурных учреждений, оказывающих любую помощь террористам, включая столь значимую для них медийную поддержку. История террора свидетельствует, что корни явления проросли в социокультурную почву, подготовленную односторонней экономической политикой. Не только начальный ка-

питал формировался политическим насилием. На всем протяжении своего трехсотлетнего восхождения капитализм двигался посредством опоры на силу, прикрываясь легальностью и значимостью свободы конкуренции. Дворцов со временем строили больше, но и хижины множились по миру с еще большей скоростью. Л. Фейербах предупреждал: «Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах».

Противоречия между Западом и Востоком приросли напряжением в отношениях Севера и Юга. Слишком очевидна разница в качестве жизни народов. Необходимо купировать массовое чувство социальной несправедливости, генерирующее протест в крайних формах выражения от безысходности. Современный кризис капитализма – системный и более глубокий в сравнении с его частными проявлениями в финансах и сфере производства. Он заключается в том, что системообразующий признак – получение максимальной прибыли в интересах минимума олигархов, направляет социальное развитие в тупик.

Терроризм исторически устойчив благодаря социально-политической неоднородности. В рядах террористов и их пособников мы найдем представителей всего спектра социальных субъектов. Отсюда и специфический состав террористического движения. Ядро по-прежнему составляют фанатики и те, кто умело инициирует фанатические идеи. Ближайшее окружение фанатиков образуют участники, убежденные в том, что исчерпаны иные средства достижения целей. На периферии располагаются лица, примкнувшие к борьбе по различного рода приватным соображениям: меркантильности интересов, стремления к авантюрам, склонности к агрессивным проявлениям, необходимости скрыться от правосудия и т. п. Среди террористов встречаются разочарованные в своей карьере, обиженные властью и произволом иностранцев, устанавливающих свои порядки на чужой земле. В «арабской весне» активно участвовали многие террористические организации, объявленные «революционными». Неумеренность действий «умеренной оппозиции» на севере Африки и Ближнем Востоке резко увеличила число террористов с опытом практической борьбы, став причиной возрастания их активности и организованности.

Терроризм служит основанием для рефлексии над известным афоризмом Беранже: «... где крайности – там наслаждения нет». Наслаждение от разгрома террористов способны испытывать личности определенного склада – слишком одиозным и грязным является террористическое движение, чтобы вызывать удовлетворение от удач в борьбе с ним в формах высоких чувств.

Однако противодействие терроризму продуцирует мысль противопоставить ему гуманизм в его универсально-историческом выражении, избирательно прощать «заблудших» искателей справедливости. Осознание правоты жестких действий против террористов укрепляет силы борцов, а милосердие помогает не доводить борьбу до «беспредела», самосуда и повторения средневековой дикости. Есть опыт, опробованный ранее российскими войсками в Чечне, используемый в деятельности российских миротворцев в Сирии: создание уникального механизма гражданского общества в условиях противоборства с террористами – заключение соглашений со старейшинами поселений, родов. Народ непосредственно включается в процесс освобождения своей страны от террористических организаций.

Терроризм к третьему тысячелетию настолько изменился, что обрел все признаки предмета философского анализа. Из ординарной приватной формы борьбы он перерос в широкомасштабное социальное явление, отношение к которому можно рассматривать как критерий соответствия взглядов действительным – исходным и инвариантным – принципам демократии.

Великая Французская революция победила, определив политический курс, гарантирующий нормальные условия труда, равноправие перед законом, упразднение сословных привилегий. Буржуазии нужны были союзники, свобода личности устраивала все революционные силы общества. Революционный романтизм, рожденный в трудной борьбе с абсолютизированным господством избранных, сопровождался террором. Оправданием террора была мысль, что это последнее насилие во имя того, чтобы избавиться от насилия. Революционный террор прошелся практически по всей Западной Европе, стремящейся встать на путь буржуазных преобразований. Политические вожди, в отличие от революционно настроенных масс, смотрели вперед и понимали, что захватить власть проще, чем ее потом удержать. С помощью террора надеялись предотвратить гражданские войны.

Искусство революционеров выражается в способности минимизировать произвол, ограничить его формы, как можно быстрее усмирить революционную стихию с помощью революционной законности. Учиться революционному искусству приходится в реальной борьбе, зачастую на своих ошибках. Отсюда издержки революции. Террор – одна из, по-видимому, неизбежных таких издержек. Революционный локальный террор можно объяснить, исходя из своеобразия исторических обстоятельств, но оправдать его нельзя. Всякий террор безнравственен и не проходит бесследно, его рецидивы неизбежны и многообразны. Террор ранит душу даже фанатиков, его не приемлет

нормальное сознание человека, условно допуская в качестве экстраординарных действий ситуационного поведения. Террор нельзя признавать легальным явлением, ни при каких обстоятельствах. В насильственных политических акциях, прокладывающих путь развитию, обязательно должны иметь место социокультурные тормоза, в том числе и для экстренного торможения. Тот, кто участвует в общественном строительстве, обязан знать, приступая к делу, чего ни в коем случае делать нельзя. Кроме террора, есть иные эффективные средства социальной борьбы, а если они не определены, то время решительных действий еще не наступило.

Парижская Коммуна 1871 г. потерпела поражение от объединенных сил буржуазии образца второй половины XIX в., растерявшей революционный резерв, но революционную честь коммунары соблюли – от террора отrekliсь. К. Маркс называл коммунаров «героями, штурмующими небо», подчеркнув в короткой фразе трагизм утопических устремлений. В марксовом – коммунистическом – понимании у Парижской Коммуны перспектив не было никаких, но, при благоприятном развитии процесса, коммунары смогли бы приостановить реакционную политику получившей власть буржуазии, вернуть реальную силу лозунгов революции.

Реакция В. Ульянова на разгром народнической террористической группы, в которую входил его старший брат Александр, и казнь революционеров была однозначной. Будущий лидер большевиков в тот период строго следовал марксистской концепции и, в духе учения основоположников теории научного коммунизма, отказался идти по пути «народовольцев». Подняв восстание в октябре 1917 г., большевики действительно пошли путем политической борьбы. Что произошло позже, по-прежнему оценивается противоречиво, прежде всего, по причине отсутствия четкости в понимании террора и критерия применения методов, характерных для террористов. Многие из этих методов не являются эксклюзивными, в той или иной мере ими пользуются и не террористы (например, выдвижение политических требований с угрозой применения силы, захват заложников, казни без суда и т. п.). К тому же, большевики действовали в коалиции с левыми эсерами, склонными к крайним и анархическим формам борьбы, и противостояли революционерам также отнюдь не ангелы, а боевые защитники старого и дорогого им общественного порядка.

Не столь важно, кто начинал применять террористические приемы в политике, суть дела – в наследстве, порождаемом террором, в исторических рецидивах. Стоит вопрос: скачок к разумности цивилизационного процесса «отцепил» прошлое? или, по-гегелевски, «снял»,

допуская возвращение к агрессии, специфически свойственной периоду борьбы за существование? Чем объяснить нецивилизованное мышление и практику террористов? Пропагандой? Но одна и та же пропаганда имеет различные результаты, следовательно, многое зависит от состояния воспринимающего субъекта. Неудовлетворенностью условиями жизни и неверием легально их изменить? Сомнительно, ибо недовольных миллиарды, а террористов десятки, максимум сотни тысяч.

На глобальный масштаб терроризма, в первую очередь, указывает не количество терактов, террористов и террористических организаций. Глобальность данной угрозы следует понимать системно, в контексте современных международных отношений. Глобальная опасность терроризма исходит от примитивности фанатизма, базирующегося на элементарных проявлениях мышления, лишенного способности диверсификационной рефлексии, верующего в высшие силы и чудеса, сочетающего иррациональность с мистикой. Такой терроризм может быть отличным запалом к существующим зарядам политического напряжения в мире. История богата примерами того, как террористы-одиночки взрывали мировой неспокойный порядок.

Расчет организаторов террора как раз и строится на фанатизме – состоянии сознания, не управляемом культурными факторами. Сознательно или подсознательно главари террористов активируют остаточные силы раннего периода развития разумности, этапа становления культуры. Вероятно, именно этим объясняется стремление подчинить террористическое движение религиозному миропониманию, заменить светские ценности и идеалы на религиозные, перестроить порядок человеческих отношений с демократической формы на догматическую.

Об усеченности террористического мышления позволяет судить призыв Абу аль Маудуди: «... если Исламское государство подвергнется атаке со стороны мусульман, в этом случае каждый должен выступить на стороне джихада. В случае нехватки сил для сопротивления, соседние мусульманские страны должны помочь, в этом заключается их религиозный долг. Если же они потерпят неудачу, тогда мусульмане всего мира должны бороться против общего врага. Джихад является такой же обязанностью мусульманина, как и ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником» [1, с. 9].

На что делается ставка в подобных установках? На отсутствие личностного креативного мышления. Примерно в таком виде поведение наших разумных предков строилось на принципе безоговорочного исполнения установок старейшин, вождей. Не подлежащими сомнению считались не только табу, но и призывы вождей к действиям.

Мы, естественно, не собираемся отождествлять мышление террористов с мышлением людей, оставшихся на первобытном уровне развития. Нам интересна версия о «резервах» мышления человека XXI в., доставшихся нам из отдаленного и не очень прошлого. История того, что способно развиваться, строится на диалектическом отрицании, то есть предполагает сохранение прежних элементов в определенных пределах и времени. В каком состоянии сейчас пребывает то, что определяло содержание и способ мышления в прошлом? Наблюдения за массовым сознанием создают впечатление об его стремлении к упрощенному восприятию действительности, шаблонности мышления.

Авторитетные западные ученые откровенно пишут об «одномерном техническом человеке», имея в виду узкий социокультурный коридор его движения. Не способствует полноценному всестороннему развитию сознания личности и духовной настрой общества, в котором доминируют скептицизм и подавление индивидуальности. «Мы уже долгое время слышим: вернуться от сознания к бессознательному, к призыву крови, веры, почвы, души, к историческому и бесспорному», – читаем у К. Ясперса. «Религию... возвышают в своем отчаянии, доводя ее до абсурда». Подводит итог немецкий философ словами, над которыми нельзя не задуматься: «Этот призыв обманчив. Человек для того, чтобы оставаться человеком, должен пройти через осознание» [12, с. 376]. Ставя вопрос, почему пророки всех видов достигают успеха, К. Ясперс отвечает, что причина тому массовый скепсис: «В скепсисе нашего времени массовые проявления суеверия служат как бы вызванными отчаянием случайными фанатическими связями» [12, с. 396].

Террористами становятся разными путями. Общим для всех, выбравших террор, была, есть и останется *ограниченность осознания происходящего в мире, неспособность сознания к системному осмыслению действительности*. Кто-то останавливается на уровне чувственного конструирования реальности и своего отношения к ней, оказывается во власти эмоций, кто-то безуспешно пытается включить интеллект – неэффективно, потому, что не сумел выстроить адекватную картину системных отношений объективной реальности, а главное стал заложником одностороннего взгляда на происходящее в мире. Немало среди террористов и «людей дела», подменяющих анализ пространственно-временной упорядоченности общественного движения авантюрной идеей сделать все быстро, не задумываясь о жертвах, видя в насилии нормальные издержки борьбы за идею – «цель оправдывает средства».

Конечно, проповедники террора работают квалифицированно, однако КПД их пропаганды обусловлен не столько мастерством и умением воздействовать эмоционально на публику, сколько неготовностью сознания слушателей отличать зерна от плевел. Личность – активный субъект лишь в одном случае, когда ее сознание способно особым образом конструировать отражение. Что значит особым образом? С помощью убеждения, выстроенного из проверенных, подчиненных гуманистическим стандартам знаний, скорректированных в социальном времени и пространстве.

С оценкой К. Ясперсом духовных предпосылок миграции в экстремистскую борьбу солидарен и его коллега по экзистенциальной философии М. Хайдеггер. Конкретизируя содержание понятия «осознание» в рамках феноменологического толкования, М. Хайдеггер ввел термин «падшесть». Комментируя это нововведение как очередной экзистенциал, Д. Стайвер пишет:

«Этим термином обозначается лишенная подлинности поглощенность человека миром, толпой, безымянностью. Кружа снова и снова, чтобы увидеть Dasein со все новых точек зрения, он показывает, что подлинность возникает тогда, когда человек отдает себе отчет в своей брошенности и, в тоже время, принимает свою ответственность за открытое будущее и полон решимости не дрогнуть перед этим обстоятельством. Такое осознание М. Хайдеггер называет «зovem совести». Зачастую мы имеем с ним дело тогда, когда тревога раскрывает ограниченность нашей свободы... или в свете неизбежности нашей смерти» [11, с. 744].

«Зов совести» для феноменалистического анализа – неплохая находка в вербальном архиве, но сначала необходимо вывести осознание на совесть и понять ее значение в мире человеческих отношений, «пробудить совесть». Без сложной рефлексии с использованием достаточного социокультурного материала сделать это вряд ли возможно в массовом порядке. Одиночный опыт мало что объясняет за отсутствием требуемых доказательств. Поэтому нам остается, во-первых, присоединиться к базовой идее значения «осознания», во-вторых, воздержаться от оценки того содержания, которым ее экзистенциалисты пытаются загружать. В частном случае, вероятно, они и правы, но, что касается универсализации вывода, то, похоже, допущена спешка.

Совесть, по определению, «чувство или осознание моральной ответственности за свое поведение перед собой и обществом, нравственные принципы, взгляды» [2, с. 492]. Исключать совесть из факторов, приводящих к признанию террора, нельзя. Некоторые ор-

ганизации и партии в прошлом допускали теракты в качестве крайних и временных мер. Мы писали о том, как в отечественном народническом движении, обстоятельно обсуждали моральную сторону убийства [4, с. 16–17].

Мотивация современных террористов имеет мало общего с нравственными коллизиями сознания. Рядовые бойцы далеки от моральных переживаний. Убийство включено в их представления о наведении общественного порядка, совесть их не мучает, а весь свой гнев они сознательно направляют вовне, на тех, кто думает и хочет жить иначе. Догматизм мышления и осколки культуры создают адскую смесь, а деньги и благословение умножают силу. Героя-строителя в масс-медиа и искусстве сменил герой-мученик, выдавленный обществом потребления на обочину жизни.

С разгромом основных сил терроризма на Ближнем Востоке совместными усилиями России, Турции, Ирана и Сирии, при участии проамериканской коалиции, реальность угрозы со стороны терроризма сохраняется. Сместится центр приложения террористической агрессивности. Вероятен «европейский маршрут», движение по которому уже началось. Выбор есть – это Западная Европа, где массовая миграция заложила неплохую базу радикалистским настроениям [7, с. 68–69]; либо – Россия, в которой также немало мигрантов и радикально настроенных экстремистов.

Европа сознательно тормозит компромисс с Россией в отношении Сирии, так как европейские аналитики понимают, что сирийский фронт отвлекает террористов от Европы. Ныне активизируется «североафриканский фронт», который станет «подбрюшьем» террористической борьбы на Европейском континенте. Для России крайне важно достичь взаимопонимания с центрально- и средне-азиатскими государствами для недопущения миграции боевых групп террористов из государств Ближнего Востока и из стран Средней Азии.

Не меньше проблем и на «внутреннем фронте» противостояния идеологии терроризма, требующих скорейшего решения. Несомненно, огромное значение имеет внедрение в образовательное пространство России комплексной научной и учебной дисциплины террорологии и как её части – предмета «Противодействие терроризму» [6, с. 43]. Нужно не обсуждать дефекты парадигмы модернизации высшей и общеобразовательной школ, а законодательно ее корректировать в сторону возрастания значимости воспитательной составляющей.

Список литературы

1. Аль-Маудуди А. Основы ислама. – М.: Сантлада, 1993.
2. Большая иллюстрированная энциклопедия: в 32 т. Т. 25. – М.: АСТ, Астрель, 2010.
3. Кочнев Е. А., Мишин Ю. Д. Спекулятивная сущность международного финансового капитала как условие устойчивости воспроизводства терроризма // Вопросы новой экономики. – Новосибирск. – 2019. – № 2 (50). – С. 84–89.
4. Кочнев Е. А., Мишин Ю. Д. Терроризм в контексте глобальных опасностей мирного развития человечества // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 2 (244). – С. 9–20.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд.: в 55 т. Т. 29. – М.: Политиздат, 1969.
6. Метелев С. Е. Международный терроризм как угроза национальной безопасности России // Использование учебного и научного потенциала в области противодействия терроризму / под ред. В. Д. Путяткина. – Новосибирск: Новосиб. издат. дом, 2016. – С. 40–43.
7. Мирошникова Е. М. Религиозный фактор в иммиграционной политике ЕС // Современная Европа. – 2006. – № 1 (25). – С. 61–74.
8. Плеханова Р. М. Письмо в редакцию // Известия ЦИК СССР. – 1924. – 4 сентября. – № 200.
9. Поло М. Книга чудес света / пер. с итал. – М.: Изд-во «Э», 2016.
10. Силантьева М. В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 206–210.
11. Стайвер Д. Мартин Хайдеггер // Великие мыслители Запада / под ред. Я. Мак-Грилла; пер. с англ. В. Федорин. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левина. – М.: Политиздат, 1991.

Статья поступила: 20.12.2019. Принята к печати: 31.01.2020